

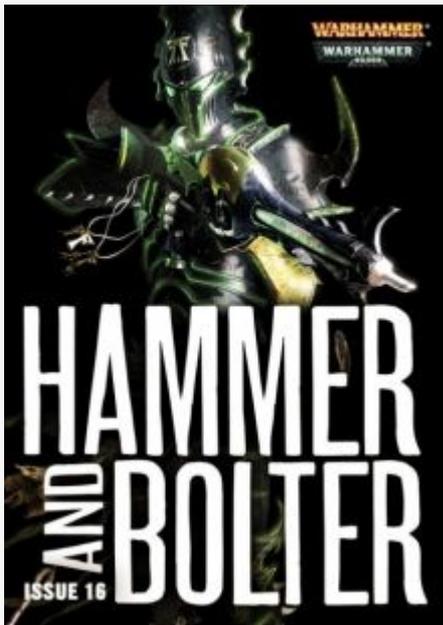
Тень в зеркале / The Shadow in the Glass (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Тень в зеркале / The Shadow in the Glass (рассказ)

Автор [Стив Лайонс / Steve Lyons](#)

Переводчик [Str0chan](#)

Издательство Black Library

Источник Hammer and Bolter 16

Год издания [2012](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Инквизиция явилась в Иктис тихим утром лунодельника.

Ириэль Малихан проснулась от шума бегущих ног, тревожных криков и хлопающих дверей. Услышав далекое рычание моторных духов, девушка вскочила с топчана и встала босиком на холодные половицы старой лачуги.

Подойдя к окну, она приникла к щёлке в ставнях, через которую открывался хороший обзор на поднимающуюся в гору главную улицу маленькой деревни.

Далеко внизу по дороге грохотала колонна из восьми бронемашин, а рядом с ней маршировали солдаты в красной и черной броне, не меньше двух сотен бойцов.

Процессию возглавляли сами охотники на ведьм: пожилые люди с мрачными лицами, носившие высокие шляпы и тёмные плащи. Инквизиторы несли благочестивые символы своей службы так, словно те были простыми дубинами.

Заметив, куда смотрит один из них, Ириэль с испуганным вздохом отпрянула от щели. Девушке представилось нечто немыслимое – инквизитор словно воззрелся прямо на неё, не смущаясь расстояния и крохотного размера глазка. Казалось, что охотник на ведьм видит её *насквозь*.

Вздрогнув, Ириэль вспомнила о зеркальце, лежавшем под подушкой.

Достав вещицу трясущимися руками, девушка убедилась, что в лучах света, проникающих через крышу лачуги, та выглядит так же прекрасно, как и вчера, в пыльном полумраке сувенирной лавки.

Она держала в руках идеальный стеклянный диск в вычурной оправе, покрытой золотым тиснением – Ириэль не знала, подделка это или нет, но блестело оно, как настоящее, – и с небольшим зеленовато-чёрным самоцветом наверху.

Но зеркало показалось девушке столь пленяющим не из-за рамки. Всё дело было в отражениях, которые оно показывало Ириэль.

Лицо, представшее в стеклянном диске, несомненно, принадлежало ей, но худые, изможденные черты казались... утонченными, почти аристократичными. В зеркальце Ириэль выглядела старше своих семнадцати лет, но ненамного, а соломенные волосы, прямые и гладкие в реальности, вились ослепительными золотыми локонами. Родинка на левой щеке из отталкивающего пятна превратилась в миленькую мушку.

В обычной жизни Ириэль была дочерью рыбака, которая в девять лет потеряла родителей и с тех пор служила прачкой. В перевернутом мире за стеклом она становилась принцессой.

«Безвредные чары красоты», – так хозяин лавки описал силу зеркала, и девушка тут же ощутила тайное, трепетное желание увидеть себя такой, какой она могла бы быть.

«Преступное желание», – поняла Ириэль и коротко вскрикнула, услышав, как кулак в латной перчатке барабанит по её двери.

Девушка одним прыжком пересекла крохотную комнатку и запихнула зеркальце обратно под подушку. Не очень-то надежный тайник, но ничего лучше ей в голову не пришло.

Занятая мыслями о зеркале, Ириэль даже не заметила, как близко теперь раздаётся шум моторных духов танковой колонны.

Схватив мятый повседневный балахон, девушка надела его через голову, поверх ветхой сорочки, и сунула ноги в сандалии.

Затем Ириэль осторожно открыла дверь; на пороге никого не оказалось, но в узком переулке перед лачугой столпились соседи, полуодетые и с заспанными глазами.

Охотники на ведьм со своей армией взбирались по спиральной дороге, идущей вдоль склона прибрежного утёса, на котором и была построена Иктис. Теперь девушка слышала не только двигатели

бронемашин, но и механически усиленный голос, который гулко возносил хвалу Богу-Императору и утверждал, что истинно верующим не нужно бояться Его правосудия.

Солдаты в красном и чёрном рассредоточивались по деревне, сворачивая в непроходимые для танков закоулки – вроде того, в котором жила Ириэль, – и будили жителей Иктис, поскольку все должны были услышать послание Инквизиции.

Девушка испытала облегчение, увидев, что стучали не только в её дверь, и заметила по лицам окружающих, что они чувствуют то же самое.

В голосах деревенских слышались и отзвуки вопросов, возникших у Ириэль.

– Зачем они здесь-то? – спрашивали люди приглушенным, испуганным шёпотом. – За что нас-то?

Они – все они – знали, что Инквизиция явилась в их мир, но никто и представить не мог, что охотники на ведьм придут к их порогу.

Для девушки оставалось неясным, что сильнее волнует её соседей: вероятность того, что тёмные силы пустили корни в Иктис, или, напротив, что их здесь никогда не было. Ириэль знала лишь одно – никто из деревенских сейчас не чувствовал себя совершенно безгрешным.

«Зеркало!»

Она огляделась, проверяя, не следит ли за ней кто-нибудь. Оказалось, что нет; впрочем, никто никогда особо и не смотрел на Ириэль Малихан.

Скользнув обратно в лачугу, девушка тут же метнулась к топчану, подушке и зеркальцу под ней. Вытащив вещицу, Ириэль перепрятала её в складках балахона. От стекла нужно было избавиться, пока её не поймали вместе с ним – и о чем она только думала, покупая безделушку? Зеркало надо вернуть, решила девушка, отнести туда, откуда оно взялось.

Ириэль зашагала через деревню вниз, к пристани, протискиваясь через расщелины в утёсе и стуча сандалиями по грубо отёсанным ступеням. Хорошо зная лабиринт обходных путей, она без труда избегала встреч с солдатами Инквизиции.

И всё время чувствовала холодный, твёрдый диск зеркальца, прижатого к груди.

Подойдя к рыночной площадке, девушка поняла – что-то не так. Обычно в эти часы на плато теснились покупатели, спешившие перехватить лучшие куски утреннего улова. Остальное шло на засолку и впоследствии переправлялось на большую землю, а оттуда – на другие планеты.

Но толпу, собравшуюся здесь сегодняшним утром, привлекло нечто более серьезное, чем желание попробовать свежей рыбки. Что-то тянуло людей к западной окраине рыночных рядов, что-то, при виде чего большинство из них теряло дар речи.

В голове Ириэль начало складываться ужасное подозрение. Желая увидеть, узнать, что происходит, девушка протолкалась через народ, поработав локтями – и этот мнительный страх усилился настолько, что едва не удушил её ледяной хваткой.

Сувенирная лавка стояла поодаль от соседних лачуг, на самом краю обрыва...

И её окружал красно-чёрный рой воинов Инквизиции.

Четверо солдат – все женщины, как заметила Ириэль – появились в дверях, волоча за собой пленника: безобразно уродливого хозяина лавки.

– А я знал! – торжествующе восклицали в толпе. – Я ведь не раз говорил... Он вечно сторонился людей... Всегда в нем было что-то такое мерзкое...

Пленника заставили встать на колени; его бесформенная голова, как всегда, опустилась к земле. Солдат вытащила меч и, щёлкнув руной, окружила его святым огнём, на что толпа отозвалась глухим вздохом, в котором звучали ужас и предвосхищение.

Девушка пропустила момент казни хозяина лавки, поскольку отвернулась и зажмурилась, как только клинок метнулся к его шее.

Правда, Ириэль успела заметить лицо торговца, с которого смотрели слезящиеся глаза, посаженные по обеим сторонам гноящегося нароста на носу. Пленник не выглядел испуганным; казалось, он испытывает нечто вроде облегчения.

Палач скинула тело хозяина лавки с обрыва, и оно унеслось к безразличным волнам внизу. Вслед за трупом тем же порядком проследовала отсеченная голова, и, прежде чем она коснулась воды, девушка уже убегала, не ведая куда. Ириэль знала только, что должна убраться подальше от этого места, подальше от осуждающих глаз.

Остановилась она лишь на одиноком скальном выступе, почувствовав, что сердце и лёгкие вот-вот надорвутся.

«Мне нужно выбросить его в океан, – подумала девушка, достав зеркало из складок балахона. – Похоронить вместе с владельцем... *прежним* владельцем».

Торговец очень хотел, чтобы она купила эту вещицу: просил всего четыре монетки, а в итоге уступил за две.

«Я должна была понять ещё тогда, – отчаянно бранила себя девушка. – Могла бы сообразить, что от стекляшки будут одни несчастья».

Напоследок посмотревшись в зеркальце, Ириэль увидела улыбающуюся ей принцессу. В голове девушки зазвучал тихий голос, очень похожий на её собственный.

«Почему ты чувствуешь себя виноватой? Видит Император, ты тяжело трудилась всю жизнь и никогда не забывала молиться. Неужели за это ничего не полагается? Ни единой маленькой вещички, которую ты могла бы назвать своей?»

Она не желала ничего слышать, но не могла не слушать. Трясущимися руками Ириэль занесла зеркало над водами далеко внизу.

«Какой вред может причинить людям обычная безделушка, о которой никто даже не подозревает?»

«По какому праву они могут лишить тебя этой простой радости?»

Тем утром никто не осмелился пропустить молебен. Продуваемый насквозь храм оказался забит народом от пола до стропил, так что девушке пришлось стоять на хорах, в тесном окружении дюжих

рыбаков. От мужчин несло морской солью и табаком, и эти запахи напомнили ей об ушедшем отце.

Перед деревенскими выступал один из инквизиторов, седой и хрупкий с виду, но в его голосе и осанке сквозила принадлежность к наивысшей власти. Ириэль не сомневалась, что именно его взгляд на мгновение проник в щёлку между ставен.

Она старалась не попадаться на глаза инквизитору, рассматривавшему прихожан.

В своей речи тот горячо ниспровергал вероломные уловки Губительных Сил, призывал праведных следить за соседями и выискивать незначительные признаки впадения в соблазн. Пагуба, говорил он, поселилась в этом месте, и нельзя позволить ей распространиться.

Иктис, провозгласил инквизитор, ещё можно спасти.

Девушка порадовалась, что выбросила зеркальце. В конце концов, она ведь владела им лишь сутки – даже меньше, вечер и ночь, – и никто не видел её с этой вещицей. Никто, кроме хозяина лавки, но тот уже ничего не расскажет. Какой вообще вред Ириэль причинила хоть кому-нибудь?

В её голове прозвучало эхо слов принцессы: «Почему ты чувствуешь себя виноватой?»

«Они не вправе судить тебя!»

Ириэль вздернула подбородок, прежде опущенный к груди. Когда инквизитор в очередной раз посмотрел в её сторону, девушка вызывающе встретилась с ним взглядами.

Домой она уходила с высоко поднятой головой, не имея никаких причин испытывать стыд и уж тем более страх. Конечно же, в ней не увидят признаков порчи: ведь никто никогда особо и не смотрел на Ириэль Малихан.

У порога она нашла белье, которое следовало выстирать за день. Толкнув дверь лачуги, девушка по одной затащила внутрь переполненные корзины, зажгла огонь в очаге и вылила в котел остатки воды. О зеркале она уже и не думала.

Затем, подхватив два пустых ведра, прачка отправилась к колодцу; пока она ходила за водой, котел как раз нагрелся.

Чтобы наполнить старую жестяную ванну, требовалось четыре котла или шесть вёдер. Натаскав воду, Ириэль могла, наконец, выстирать одежду и постельные принадлежности – сначала соседские, потом свои, – и, если останется время, помыться сама.

Нужно было поторапливаться: если она не успеет вернуть белье владельцам и получить скудную плату до закрытия рынка, то останется голодной. Из-за затянувшейся службы в храме девушка и так уже опаздывала.

Вдруг она остановилась у двери, почувствовав что-то под балахоном – холодный, твёрдый диск, прижатый к груди. Сердцем Ириэль мгновенно поняла, что там, хотя разум отказывался это признать.

«Но этого не может быть... Я ведь его выбросила... Правда же?»

Прачка извлекла зеркало на свет, видя, как её отражение – образ принцессы – будто насмехается над ней. Когда девушка держала вещицу над ждущим океаном, её пальцы словно приклеились к рамке, но Ириэль твердо намеревалась стряхнуть проклятую штуковину и избавиться от неё навсегда.

Но она не помнила, как выпустила зеркальце из рук.

И это значило...

Что оно оставалось с девушкой всё это время, даже в храме, в присутствии неумолимого инквизитора со свитой. При мысли о том, как легко она могла попасться, Ириэль охватил удушливый страх - но вместе с ним пришла и радость. Ведь её же не поймали, верно?

Но всё равно стоило отыскать более надежный тайник. Опустившись на колени, прачка ковыряла половицы, пока не нашла отошедшую доску, которую сумела поддеть. Дневной свет заструился в сырую, холодную дыру, заставив разбежаться мелких ползучих насекомых.

Чтобы зеркало не потеряло блеск, Ириэль завернула его в кусок ткани.

Девушка уже собиралась спрятать вещицу, когда обертка вдруг соскользнула, и под ней мелькнуло нечто жуткое. Испуганно вскрикнув, прачка выпустила зеркало из пальцев, и оно упало в отверстие, приземлившись в грязь лицевой стороной вверх. Ириэль не сразу решилась посмотреть в него снова, но, когда всё-таки сделала это, на неё, как и прежде, взглянула принцесса. Но девушка *знала*...

Знала, что в стекле, всего лишь на кратчайшее мгновение, возникло иное лицо.

Лицо старухи, морщинистое и покрытое пятнами, с бесформенной язвой на месте носа. Но её глаза... Их пылающий взор, точь-в-точь как взгляд инквизитора, врезался Ириэль в самую душу. Суровые, зеленовато-чёрные, *злые* глаза.

Протянув руку, девушка снова прикрыла вещицу оберточной бумагой. Вернув половицу на место, она перетащила ванну так, чтобы та оказалась над тайником. Теперь Ириэль была уверена, что никто не отыщет зеркальце - оно было в безопасности, и, вместе с тем, под рукой.

Её маленький секрет.

Прачка решила, что у неё разыгралось воображение. В стекле отражается только моё лицо, сказала себе Ириэль, а всё остальное - игра света и тени, ничего более.

Девушка уверила себя, что глядя в зеркало, на принцессу, не видела тень старухи позади неё.

Ириэль достала свою собственность из тайника в день, когда слуги Инквизиции покинули Иктис. Их пребывание в деревне оказалось недолгим, но не прошло бесследно.

Шестнадцать человек, шестнадцать прихожан, попали под обвинение в ереси, были подвергнуты испытаниям и казнены. Их дома и места, где они трудились, были преданы огню, чтобы выжечь порчу Хаоса, способную угнездиться там. Члены семей, друзья и соседи грешников прошли через безжалостные дознания.

Но, в конце концов, череда смутных слухов, за которой следовали охотники на ведьм, увела их к более многолюдному городу в глубине континента.

Судьба Иктис была решена - Император решил, что она не до конца погрязла в грехах.

Жизнь в деревне с почти неприличной быстротой вернулась в прежнее русло. Для всех, но не для Ириэль Малехан, бытие которой изменилось навсегда.

Перемены шли исподволь, и сначала лишь немногие замечали их.

Ежедневная, монотонная каторга прачки продолжалась. Она всё так же, до боли в суставах, стояла на коленях у ванны, отстирывая чужое белье. Ещё у неё ныла спина от постоянных походов к колодцу, и плечи – от борьбы со старым, упрямым катком для белья.

Но девушка выносила всё это с надеждой в сердце, потому что *знала*...

Знала, что она особенная. Каждый час Ириэль вынимала зеркальце, и оно напоминало ей об этом.

И, раз уж девушка оказалась особенной, *избранной*, то с ней обязательно должны были случаться хорошие вещи. Так и вышло.

Всё началось с мелочей. У обсчитавшего Ириэль рыночного торговца рухнул прилавок, повредив большую часть товара. Грубая старуха, толкнувшая её в переулке, упала и разбила лицо в кровь. С клиентом, который обругал её работу и задержал оплату, произошел несчастный случай.

И никто не смог объяснить, с чего вдруг колесо его повозки взяло и отлетело.

Девушка наслаждалась каждой из этих маленьких побед. В конце концов, как говорило ей зеркало, принцесса заслуживала именно этого – и Ириэль никогда не задумывалась, почему единственное счастье, дарованное ей, происходит из несчастий других.

Иногда, глядя в отражение, прачка скашивала глаза мимо образа принцессы, отыскивая в её тени другое лицо. Порой Ириэль казалось, что она заметила искомое; не желая убеждаться в этом, девушка отводила взгляд.

Мысли об истощенной старухе внушали страх, но на каком-то глубоко погребенном уровне Ириэль уже смирилась с её тайным присутствием.

Прачка поняла, что не может быть принцессы без старой карги.

В это же время произошло ещё одно событие, изменившее её жизнь – Ириэль встретила парня.

По сути, она *столкнулась* с Ярешем, возвращаясь с колодца. По своей вине, но юноша всё равно извинился, снова наполнил её ведра и настоял на том, чтобы донести их до дома прачки.

Они проговорили всю дорогу к лачуге. Оказалось, что Яреш родился в Иктис, но дедушка и бабушка увезли его отсюда ещё ребенком. Вернулся он недавно, чтобы помочь ухаживать за сильно хворающей двоюродной бабкой. Ириэль знала об этой семье и видела намалеванный на их двери красный знак, предупреждающий о заразе.

На ту пору девушке исполнилось девятнадцать, и она почти оставила надежду выйти замуж. Большинство подходящих парней в деревне попали под призыв и уже успели погибнуть, а немногими оставшимися завладели цепкие потаскушки. Впрочем, никто из мужчин никогда и головы не поворачивал в сторону прачки.

Яреш оказался непохожим на них: говорил не только о себе, спрашивал Ириэль о её жизни и с интересом выслушивал ответы.

Когда юноша уходил, шагая по переулку, девушка смотрела ему вслед с гулко колотящимся сердцем.

Как только Яреш скрылся из виду, Ириэль немедленно бросилась в лачугу, спеша найти поддержку у зеркальца, и отражение принцессы подало ей большие надежды.

«Возможно ли, – спрашивала себя прачка, – что другой человек видит меня такой же, как это особенное стекло, такой, какая я есть на самом деле? Может ли Яреш разглядеть принцессу?»

Ириэль очень часто видела его в последующие недели и месяцы, окончательно убеждаясь, что да, может.

Девушка наблюдала за Ярешем, представляя, чем он занимается днем и меняя собственный распорядок в соответствии с этим. Она стала ходить к колодцу другим путем, ближе к лачуге больной старушки, и всегда мешкала с ведрами, надеясь увидеть его там. Часто Ириэль «случайно» сталкивалась с юношей в торговых рядах, покупая то же, что и он, и каждый раз Яреш радостно улыбался и говорил что-то хорошее.

Этого ей не хватало.

Ириэль требовалось нечто большее, чем эти мелкие крупы счастья. Но, чем больше встреч она подстраивала с парнем – и чем больше он упускал моментов для объяснения в нежных чувствах, – тем бесплоднее казались её страстные надежды.

«Ты можешь заполнить его, – сказала однажды зеркальце, – если действительно этого хочешь.»

И девушка решила, что и вправду устала ждать. На следующей их встрече с Ярешем она убедится, что юноша видит Ириэль, настоящую Ириэль, и слышит, что ему говорят. Она напросится на приглашение сходить в таверну, и, конечно, парень не сможет отказать – он ведь настоящий джентльмен, да и к тому же, кто решится отвергнуть принцессу?

На следующий день Ириэль встретила Яреша в торговых рядах.

Он держался за руки с другой женщиной.

Двоюродную бабушку Яреша уважали в деревенской общине, поэтому на её похоронах возле вершины утёса собралась целая толпа весьма почтенных персон.

Ириэль стояла в задних рядах, где юноша, скорее всего, не мог заметить её. Прачка отчаянно хотела подойти к нему, но не находила слов утешения; кроме того, рядом с Ярешем оказалась Шорей, разделившая его слёзы. Очертания их соединившихся силуэтов выжгло в глазах Ириэль ослепительным оранжевым пламенем.

Учитывая, от чего умерла старушка, все её вещи сожгли вместе с телом.

После произнесения последней надгробной речи, скорбящие побрели домой, спускаясь по тропе между скал; Ириэль же осталась на вершине. Не зная, что именно ищет, она всё равно нашла *это* – маленький белый квадратик, трепещущий на прибрежном ветерке.

Маленькое полотенце для лица. Остановившись, девушка внимательно рассмотрела находку.

Должно быть, полотенце незаметно выпало из сумы с одеждой двоюродной бабушки. В нем не было ничего особенного: совершенно непримечательный лоскут ткани. Ириэль каждый день стирала не меньше трёх

таких и сама вытиралась подобным.

Как, вспомнила она, и Шорея. Узнав, что *соперница* также является *клиенткой*, прачка загорелась особенным интересом к её белью.

От погребального костра остались только угли, поэтому Ириэль решила отнести полотенце домой и сжечь в собственном очаге. Осторожно подняв белый квадратик, девушка опустила его в карман, предварительно убедившись, что там нет других вещей.

«Какой был бы ужас, – подумала прачка, – если бы кто-нибудь перепутал это зараженное полотенце с другим».

Две недели спустя на двери Шореи появился красный предупреждающий знак.

Ириэль не стала стучать – раз уж так, с деньгами за стирку можно подождать, решила она и, оставив белье на пороге, вернулась домой.

Большую часть следующей недели девушка провела, глядя в зеркало. Что-то неуловимое беспокоило её, но принцесса из-за стекла успокаивала Ириэль.

– *Возможно, так просто должно было случиться*, – говорила она.

«Да. Да, конечно, так оно и есть, – думала прачка. – Так зачем же мне чувствовать себя виноватой?»

На похоронах суженой Яреша она набралась храбрости выйти вперед и взять парня за руку. Запинаясь, Ириэль бормотала что-то насчет «не надо так грустить», «у Императора есть замысел для каждого из нас, такую уж судьбу Он замыслил Шорее». Юноша вцепился в неё, словно утопающий, и, хотя девушка плакала вместе с ним, сердце её пело.

На следующее утро Ириэль услышала, как имя Яреша шепчут у входа в церковь и обернулась, но не увидела парня. Несколько его друзей стояли отдельной группой, перешептываясь и подавленно качая головами.

Она кое-как пропела первый из утренних псалмов. Глотка Ириэль пересохла, в висках гулко стучала смятенная мольба; девушка говорила себе, что слишком мнительна, но всё же слушала деревенские новости с затаенным дыханием.

Домой прачка бежала, заливаясь слезами. Только так она могла сдерживать рвущийся из груди крик до тех пор, пока не оказалась в одиночестве за дверью лачуги.

Разумеется, Ириэль тут же кинулась к зеркальцу, желая знать, как подобная трагедия стала возможной. Разве ей не обещали – *разве она не заслуживала* – лучшей судьбы? Девушка чувствовала себя преданной.

Она всё время думала о Яреше, о том, каким его нашли рыбаки. Изломанное тело юноши разбилось о неровный скалистый риф – мертвые пальцы по-прежнему сжимали кольцо, купленное им для суженой, а океан осторожно слизывал с камней кровь загубленной жизни.

«Так нечестно! Он должен был стать моим!»

Взглянув в зеркало, Ириэль задохнулась от ужаса. На неё таращилась высохшая старуха.

Прачка ошеломленно уставилась на неё с разинутым ртом. Старая карга впервые показалась столь явно, и девушка впервые смогла как следует рассмотреть её.

На левой щеке отражения обнаружилось уродливое коричневое пятно – безудержно разросшаяся родинка, как поняла Ириэль. Из бородавки торчал маленький пучок тонких седых волос.

Девушка инстинктивно подняла руку к собственной щеке, и старуха повторила её движение. Уголки тонких, сухих губ карги немного подергивались – она насмеялась над Ириэль, смеялась над её болью, и та не выдержала.

Чувствуя, как ужас отступает перед растущей волной раскаленного добела гнева, прачка оторвала взгляд от лица старухи и со всей силы швырнула зеркало на пол.

Оно не разбилось.

Год, когда Ириэль исполнилось двадцать три, вышел для деревни скверным.

Невзирая на все меры предосторожности, зараза продолжала распространяться, причем совершенно бессистемно и беспричинно. На третий месяц года было объявлено об эпидемии, а Иктис взят под карантин.

На экспорт улова наложили запрет, что сначала порадовало Ириэль – цены на рыбу упали, и у неё начали водиться лишние монетки. Рыбакам девушка не сочувствовала, они ведь, по крайней мере, могли прокормить себя сами.

Но вскоре остальным торговцам пришлось затянуть пояса. У рыболовов почти перестали водиться деньги, они мало что покупали, и цены на все товары начали расти. В то же время, прачка находила все меньше и меньше корзин с бельем у себя на пороге: двух давних клиентов она потеряла из-за мора, четверо покончили с собой, а остальные теперь считали каждый грош.

«Так нечестно, – жаловалась она ухмыляющейся старухе за стеклом. – Почему я всегда страдаю больше других?»

Сейчас зеркальце висело на стене лачуги.

«А почему бы и нет», – подумала Ириэль за несколько месяцев до этого. Всё равно к ней никто не ходил, поэтому никто бы ничего и не увидел.

Порой за стеклом появлялась принцесса, но с тех пор, как вспыхнула эпидемия, девушка намного чаще видела каргу.

В общем и целом, Ириэль приняла это, понимая, что жуткое отражение лучше поможет пережить трудные времена. Благодаря старухе на столе каждый вечер оказывалась еда, и не только рыба – неважно, могла прачка позволить себе ужин или нет. Она никогда не видела, откуда появлялась пища, и предпочитала не спрашивать.

Всё же девушка скучала по принцессе и часто искала её в тени старой карги. Время от времени

мелькающих намеков хватало, чтобы успокоить Ириэль и дать ей надежду на окончательное возвращение красавицы.

На двадцать третий день рождения прачки в торговых рядах разгорелась громкая свара – один из лоточников обвинил её в краже. С негодованием отмахнувшись от него, Ириэль попыталась уйти, но остальные торговцы задержали девушку до прихода пристава. Сорвав сумку, висевшую у неё на плече, стражник бесцеремонно перерыл содержимое.

Тогда прачка вспомнила про ожерелье, милую вещицу, привлекающую её внимание. Ириэль прикладывала украшение к груди и представляла, как получает его в подарок на день рождения. Но потом... Пустившись в слёзы, девушка настаивала, что не убирала ожерелье в сумку. Наверное, украшение положил туда какой-то её ненавистник.

В итоге Ириэль Малихан провела четыре часа в колодках на деревенском перекрестке.

Как с горечью заметила девушка, теперь-то на неё смотрели всё, и не только смотрели: ещё и плевали в лицо или подзуживали своих детей хлестать её гнилой рыбой. Как будто она недостаточно страдала в этих неудобных цепях, с урчащим животом и щеками, пылающими от возмущения.

«Каждый из них мог оказаться на моем месте», – сказала себе Ириэль и поклялась, что заставит иктисцев заплатить за их жестокость.

Как только её освободят, она спросит у зеркала, каким образом это проделать.

Новый священник в своей проповеди очень много говорил о демонах, долго рассказывал о мире сновидений, в котором таятся эти злобные создания. Предупреждал, что они вечно рыщут в поисках незащищенного разума, а найдя – проникают в него, обретая плоть и силы наяву.

От этих слов Ириэль стало неудобно, и она заерзала на церковной скамье.

Прежний, старый пастырь предпочитал иносказания. В его поучениях постоянно упоминалась кровь и адское пламя, но почти не встречалось точных деталей, и прачке это нравилось больше.

Она начала пропускать службы в церкви. Принять такое решение, как и убедить остальных в его необходимости, оказалось несложно, ведь здоровье женщины и в самом деле ухудшилось. Годы таскания бельевых корзин и стояния на коленях у старой жестяной ванны сказались на её суставах. Ириэль ослабела грудью, в чём винила сквозняки, проникавшие через щели в стенах лачуги, да и спина у неё ныла.

Теперь прачка редко выбиралась из дома раньше сумерек, и только в начале вечера показывалась на рынке, где собирала остатки перед закрытием. Женщина пребывала в тених, скрывала свое лицо; постоянно ощущая стыд, она не хотела, чтобы на неё смотрели.

Однажды Ириэль заметила себя в зеркале – совершенно обычном, стоявшем на одном из лотков в торговых рядах – и замерла в ужасе. Её кожа оказалась мертвенно-бледной, а светло-желтые волосы почти поседели. Прачке показалось, что она стала ниже, чем в юности, и вообще едва узнала лицо в отражении.

Ириэль померещилось, что перед ней призрак – призрак её самой.

Домой женщина вернулась торопливо и с пустой сумкой, не стала даже ждать возможности забрать примеченный ею тухлый окорок на лотке мясника. Она не знала, что будет делать, вернувшись в лачугу, до тех пор, пока не вошла внутрь.

Поразив саму себя, Ириэль сорвала зеркальце со стены и закинула под топчан, лицом - *лицами* - вниз, так, чтобы оно больше не искушало её.

Уткнувшись собственным увядшим лицом в подушку, женщина горько заплакала.

«Зеркало врало мне, - думала прачка. - Всё время врало. Принцессы никогда не было!»

- *Но ведь она могла появиться...* - прошептал в ответ уже знакомый голос в её голове.

Время шло, и с ним уходила память об унижении Ириэль. По крайней мере, об этом уже не помнили взрослые жители деревни.

Дети, к несчастью, забывали всё не так быстро.

Чуть ли не каждое утро женщина просыпалась от громких дразнилок за дверью. Первые несколько раз она выбегала в переулочек, натянув плащ и сандалии, иногда с метлой в руке.

Её юные мучители всегда разбегались прочь, но кричали при этом не только от ужаса, но и от удовольствия. На следующее утро они возвращались, зачастую в большем количестве, и вели себя даже наглее прежнего.

Порой дети стучали в дверь Ириэль и убегали, иногда швырялись яйцами в её ставни. Женщина пыталась не обращать на них внимания, но это тоже не помогало - баловники только становились храбрее и все неотступнее старались вывести её из себя, заставить чем-то ответить.

Эта игра была знакома Ириэль. В детские годы её ровесники точно так же обходились с хозяином сувенирной лавки, и она сама однажды рискнула постучаться к нему. Впрочем, торговец не вышел, и никто в школе не поверил девочке, когда она рассказала о своем поступке.

Насмешки мелюзги становились всё более злобными. Сначала Ириэль обзывали воровкой и гадкой летучей мышью, но как-то раз, выйдя из себя, она обрушилась на детей с потоком яростных проклятий и замахнулась на одного из них ручкой метлы.

С тех пор её называли иначе. Иначе, и намного опаснее.

- *Нельзя допустить, чтобы подобные слухи распространялись,* - настаивала старуха.

Зеркальце заняло прежнее место на стене. Ириэль не помнила, как повесила вещицу обратно, но не удивилась, найдя её там.

- *Из-за них охотники на ведьм могут вернуться в Иктис,* - продолжила старая карга, - *а это погубит нас обоих.*

- А священник говорил правду? - спросила Ириэль. - Он... он сказал... В той проповеди...

- *Жрец велел тебе верить в Императора,* - ответила старуха. - *Он утверждал, что Император любит тебя, но где же эта любовь? Император забрал твоего отца, Ириэль, отнял твоего суженого. Из-за*

Него ты каждую ночь засыпаешь в холодной постели, с пустым желудком, на подушке, залитой слезами. Так по какому же праву Он может судить тебя за дела, совершенные ради собственного выживания?

Разумеется, карга была права.

«Мир Императора несправедлив, - думала женщина, - так почему же грешно смотреть в простое зеркальце и желать, чтобы всё пошло иначе?»

И разве грешно делать то же самое другим... *созданиям*?

Ириэль решила, что теперь понимает всё. Внезапно стало ясно, что старуха нуждается в ней так же, как и она в старухе.

- Не окажешь мне одну услугу? - неуверенно спросила женщина. - Не разрешишь мне увидеть...?

Лицо карги смягчилось в снисходительной улыбке, и она согласилась.

Сняв зеркало со стены, Ириэль села на край топчана, положила вещицу на колени и смотрела на свое *настоящее* отражение в стекле, пока снаружи не взошло солнце, прогнавшее ночные тени и блаженные мечты. Вздохнув, женщина заставила себя подняться.

Она повесила зеркальце обратно на кривой гвоздик. Больше Ириэль никогда не видела лица принцессы.

Последние семена погибели Иктис оказались посеяны, когда деревенские нашли книгу.

Она лежала в куче разного барахла на одном из лотков в торговых рядах - дневник без названия, заполненный тонким неразборчивым почерком. Когда текст расшифровали, оказалось, что он содержит ужаснейшие богохульства.

Владелец прилавка - так уж совпало, что именно он некогда обвинил Ириэль в воровстве - заявлял о своей невинности, но его имя, как и имена его жены, сыновей и ближайших друзей нашлись на страницах дневника, рядом с записями о тайных собраниях.

Большинству жителей деревни хватило этого, чтобы обвинить торговца. Они потребовали послать за судьей, но приставы воспротивились.

Стражники утверждали, что в Иктис *не* действует никакой темный культ, поскольку им точно стало бы об этом известно. Скорее всего, как и говорил хозяин лотка, дневник был подделкой. Затем приставы в резких тонах напомнили об опасности беспочвенных слухов, и обвинительные речи, пусть и нехотя, но умолкли на время.

В конце концов, никто ведь не хотел возвращения Инквизиции.

Но потом кто-то что-то сказал - пушную мелочь, просто озвучил досужую мысль, но собеседник увидел в ней смысл и передал дальше, - и за несколько дней новые, ещё более пагубные слухи укрепились в умах и сердцах деревенских, хотя никому не удалось вспомнить, с чего всё началось.

Одним облачным вечером распалённая толпа ворвалась в дом пристава и обнаружила под половицами то, что и ожидала найти: грубые, выполненные вручную символы верности темнейшей из сил.

Так уж совпало, что именно этот стражник некогда обыскивал Ириэль.

Как и его двоюродный брат-торговец, пристав кричал о своей невинности, поддержанный друзьями, семьей и коллегами. Но толпу, однажды лишенную возможности свершить праведный суд, не удалось утихомирить вновь. Стороны обменялись злобными речами, подчёркивая аргументы воздетыми кулаками. Готовилось линчевание; появились наскоро связанные веревки и зажженные факелы. В ответ были извлечены лазганы и сделаны предупредительные выстрелы. По деревне протянулась линия фронта.

Ириэль не играла заметной роли в разворачивающихся событиях, хотя следила за ними очень внимательно.

Она продолжала бродить по торговым рядам, где люди делились на группы и рождались планы, озвучиваемые вкрадчивым шепотом. Укрывшись под простынями, слушала, как ночную тишину разрывают звуки выстрелов и резкие голоса. Смотрела через щёлку в ставнях на еженедельные похоронные процессии, взбирающиеся по скалистой дороге к вершине утёса.

Теперь дети оставили её в покое, отыскав более подходящие мишени для своей злобы. Никто особо и не смотрел на Ириэль Малихан, что её вполне устраивало.

Женщина не сочувствовала соседям, оказавшимся в бесконечном водовороте нападений и возмездий, людям, средства к существованию и самые жизни которых находились под угрозой. А они что, когда-то любили её? Сочувствовали ей?

Почему бы им не пострадать хоть раз?

Вскоре Ириэль услышала в ночном воздухе новый звук, учуяла новый, едкий запах и увидела через дырочку в ставнях отблески огня в небесах. Луну и звёзды при этом скрывала ползучая пелена дыма.

Когда деревня запылала, Ириэль было двадцать девять.

И утром громверга Инквизиция вернулась в Иктис.

Женщина слышала приближение солдат – так же, как и в первый раз, полжизни тому назад. Она ждала их появления уже несколько дней, но в животе у неё всё равно что-то сжалось, отзываясь на шум приближающихся моторных духов. На сей раз Ириэль не надо было выглядывать наружу, так что она кое-как поднялась с топчана и оделась трясущимися руками. Затем просто сидела и ждала.

Уже вскоре кулак в латной перчатке забарабанил в её дверь. С трудом встав на ноги, женщина прижалась к стене, и тут ржавые петли развалились.

Захныкав, Ириэль сощурилась от яркого утреннего света, но солнце тут же затмила толпа ворвавшихся в лачугу солдат в красной и черной броне.

Одни схватили её и держали, а другие тем временем рылись в немногочисленных вещах женщины. Солдаты перевернули топчан, жестяную ванну и отжимной каток, сорвали полки и отодрали изъеденные червями половицы. Зеркало они нашли на стене – Ириэль даже в голову не пришло прятать его.

Она спросила, что солдаты увидели в стекле. Достаточно, чтобы подтвердить ходившие о ней слухи – очень понятно объяснили женщине воины Инквизиции. Как будто её согбенная фигура и уродливые

выросты на лице сами по себе не были доказательствами.

Ириэль выглядела втрое старше своих лет; как объявили солдаты, её коснулись Губительные Силы, сделав проводником своих злодеяний.

Затем женщину вытащили наружу и заставили встать на больные колени.

Зная, что протестовать бесполезно, Ириэль всё равно пыталась оправдаться. Кричала, что не сделала ничего плохого, что они не имеют права так обращаться с ней.

Она винила во всем зеркало – неужели никто не видел настоящую ведьму за стеклом?

В переулке собралась небольшая толпа; женщине казалось, что пришли сотни, но на самом деле там было несколько дюжин, ведь Иктис к тому времени уже превратилась в деревню-призрак. Зрители стояли молча, почти скорбно внимая происходящему. На этот раз они почти не боялись охотников на ведьм, потому что сами пригласили их в свои дома.

Ириэль услышала зловещий лязг кованых сапог по брусчатке и с усилием подняла голову, словно приветствуя подходящего человека. Адепт Инквизиции уже возвышался над женщиной, глядевшей на него воспаленными глазами.

Он носил высокую шляпу, тёмный плащ охотника на ведьм и светлые локоны до плеч. Инквизитор показался Ириэль удивительно молодым, но глаза юноши, смотревшие ей прямо в душу, выдавали в нем истинного ведьмознатца.

В руке он держал зеркало.

Инквизитор спросил обвиняемую, об этом ли «артефакте» идет речь, о том, как она завладела им и что видела внутри. Говорил охотник на ведьм тихим, почти дружеским голосом, поэтому Ириэль, как могла, пыталась ответить ему, но стыд душил женщину. Под пристальным взглядом инквизитора она не могла лгать даже самой себе.

Юноша сказал Ириэль, что не видит в зеркале никакой ведьмы и протянул артефакт обвиняемой, чтобы она показала ему старую каргу.

И, разумеется, ведьма оказалась на месте. Конечно же. Вот её бесформенное лицо, разросшаяся родинка на щеке, всклокоченные седые волосы. Конечно, старая карга оказалась за стеклом, ведь что ещё можно было увидеть в *отражении*?

Кого, если не саму себя?

Как объявил охотник на ведьм, в разбирательстве нет нужды, как нет и поводов к смягчению наказания. Совершенно очевидно, что обвиняемая предала себя в руки демонических созданий, поэтому приговор может быть вынесен и приведен в исполнение на месте. Вырвав из оправы зеленовато-черный самоцвет, инквизитор раскрошил его каблуком сапога, а затем кивнул одной из красно-черных воительниц. Вытащив меч из ножен, она окружила клинок святым огнем.

Ириэль с удивлением поняла, что больше не боится. Возможно, это из-за того, что она всегда знала, как закончится её жизнь? Женщина много раз представляла себе нынешний момент, и, со временем, он потерял власть над ней. По сути, она почти испытывала облегчение от того, что конец всё-таки наступил

наяву – значит, всё уже скоро закончится.

Ириэль спокойно встречала смерть, зная, что заслужила казнь.

Осужденная даже не сопротивлялась, когда к держащей её воительнице присоединилась другая и с силой толкнула голову старухи вниз, чтобы полностью обнажить шею. Услышав треск пылающего клинка, занесенного над целью, Ириэль вспомнила, как впервые увидела тень в зеркале и как это её ужаснуло. Столько времени прошло с тех пор – тогда она ещё не знала, что в тени нет ничего пугающего.

Если старуха и сожалела о чем-то в последние мгновения жизни, то лишь об одном: *никто никогда не понимал её*. Впрочем, *никто* никогда особо и не смотрел на Ириэль Малихан, так что *никто* и не мог увидеть её настоящую.

Соседи, проходившие мимо неё каждый день, видели лицо простой и странноватой девушки-подростка, забитой прачки, увядшей старой карги, и, наконец, избалованной ведьмы – единственное лицо, которое им суждено было запомнить.

Но в душе Ириэль не была ни одной из этих женщин.

Она была всего лишь одинокой, потерянной маленькой девочкой, тосковавшей по отцу. Девочкой, терзаемой чувством потери, в жизни которой не случилось ничего хорошего, ничего, что могло бы заполнить зияющую пустоту в сердце. Девочкой, которая только хотела, чтобы её замечали, уважали... и, да, любили.

Маленькой девочкой, которая до сих пор мечтала стать принцессой.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тень_в_зеркале_/_The_Shadow_in_the_Glass_\(рассказ\)&oldid=6941](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тень_в_зеркале_/_The_Shadow_in_the_Glass_(рассказ)&oldid=6941)

Эта страница в последний раз была отредактирована 24 октября 2019 в 23:48.